

Книга Д. Моравчика, будучи введением в византиноведение, является вместе с тем своеобразным итогом большого и плодотворного пути как автора работы, так и целого поколения византинистов, отражающим результаты их научных достижений.

М. В. Бибиков

F. Tinnefeld. Die frühbyzantinische Gesellschaft. Struktur—Gegensätze — Spannungen. München, 1977, 396 S., Karte.

В последнее время в византистике определился интерес к изучению социальной структуры переходного — от античности к средневековью — периода в истории Восточноримского государства: вышла монография П. Янопулоса, посвященная светскому византийскому обществу VII—IX вв.¹; проблема экономической и социальной бедности в Византии (V—VII вв. — тема недавно появившегося труда Э. Патлажан². Но если в этих работах сюжеты тематически ограничены, то книга немецкого византиста Франца Тиннефельда «Ранневизантийское общество» претендует на известное обобщение современных знаний о позднеримском обществе переходного периода. В подзаголовок монографии вынесены кардинальные задачи исследования: «Структура — противоречия — конфликты».

Хронологические рамки работы (сама проблема представляется автору относительно простой — см. с. 9) — от времени превращения Константинополя в столицу Восточной империи (324—330) до правления императора Фоки (602—610), т. е. исследование обрывается на начале царствования новой династии — династии Ираклия.

Анализируя состояние ранневизантийского общества IV — начала VII в., автор сразу исключает из поля зрения западную часть Римской империи. Исследователю представляется возможным рассмотреть римский Восток как нечто целое.

В качестве основных источников для своего социологического исследования Ф. Тиннефельд привлекает юридические памятники, преимущество которых он считает их фактическую конкретность и формальную «надежность» (точность дат и т. п.). Однако методика анализа этих типов памятников строится с учетом того, что законодательные акты повествуют не столько о реальном положении дел, сколько о том, что и как должно быть; отмечается и избирательность социальных явлений, отражаемых в документах, неадекватность юридического языка прошлого современным критериям строгости формулировок, подчас географическая неопределенность применения фиксируемых в том или ином законе мер, неизвестность степени их воплощения в жизнь. Вместе с тем исследователь стремится не столько представить ранневизантийские социальные категории в их юридическом облике, сколько определить реальные взаимоотношения власти и силы различных групп и слоев изучаемого общества. В соответствии с этим исторические сочинения, хроники, жития, археологические памятники кажутся автору в меньшей степени отвечающими поставленной цели.

Исследование структуры византийского общества IV—начала VII в. имеет два аспекта — анализ социальной стратификации и социальной динамики. Во-первых, предлагается классификация различных групп, слоев сельского и городского общества. Во-вторых, автор стремится не столько дать статическую картину основных социальных категорий, сколько проследить отношения, связи, столкновения выделенных групп в их основных, вернее — наиболее явных, противоречиях.

Позднеримское общество рассматривается автором как аграрное, где основным доход давало сельское хозяйство. Поэтому основным социальным противоречием представляется противоречие между землевладельцами и непосредственными производителями. Правда, отмечает исследователь, отношения зависимости были сложнее, чем дихотомическая схема, градация отношений допускала совмещение в одном лице

¹ *Yannopoulos P. A. La société profane dans l'empire byzantine des VIIe, VIIIe et IXe siècles. Louvain, 1975.*

² *Patlagean E. La pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance au IVe—VIIe siècles. Paris, 1977.*

эксплуататора и эксплуатируемого, различные степени подчинения и власти номинально равноправных категорий. Поэтому, по мысли Ф. Тиннефельда, отношение социума к земле дает систему координат, определяющую положение индивида в обществе. Среди землевладельцев-эксплуататоров рассматриваются император и фиск, церковь, монастыри, городские общины, частные землевладельцы, крупные и средние арендаторы, навикулярии. За исключением данного раздела, представляющего василевса в качестве земельного собственника и вследствие этого — основополагающего политического, законодательного фактора общественной жизни, в книге отсутствует специальная глава о социальном положении и функции верховной власти.

В монографии различается владение землей церкви как института и землевладение клира — отдельных частных лиц. Монастырские земли в ранний период (IV—V вв.) обрабатывались собственными силами монастырей, поэтому, строго говоря, монастыри не были землевладельцами, эксплуатирующими чужой труд. Исследователем отмечена тенденция превращения общинно-городского земельного владения в частновладельческий институт. Для характеристики крупного и среднего частного землевладения существенны античные традиции, в силу которых верхушку этого общественного слоя составляли древнеримские сенаторские фамилии. Ф. Тиннефельд прослеживает тенденцию вытеснения мелких землевладельцев крупными, окончательной победе которых, однако, воспрепятствовали вторжения славян и аваров на Балканы с 80-х годов VI в. и потеря Византией восточных провинций в результате арабских и персидских завоеваний VII в.

Этой группе противопоставляются непосредственные производители — свободные крестьяне, труженики, находящиеся под патронатом, крестьяне-воины, а также колоны, земледельцы-наемники и рабы. Отмечается постепенная потеря свободными мелкими крестьянами средств к самостоятельной хозяйственной деятельности, переход их в зависимое состояние. Личная зависимость крестьян приводила к прикреплению их к земле, к превращению в колонов. Автор отмечает падение значения рабского труда в получении сельскохозяйственного продукта после того, как с конца III в. в Римской империи получает распространение колонат.

Анализ социальной стратификации ранневизантийского общества начинается с рассмотрения эволюции восточноримского сенаторского сословия с IV по начало VII в. Показано, что к середине IV в. постепенно сенат попадает в зависимость от власти императора. Это проявлялось в ограничении политической активности столичных сенаторов, в спорадическом привлечении всего сената для решения государственных дел. Уже во второй половине IV в. намечаются противоречия между императором и сенатом, многократные обострения которых хотя и подрывали политическое значение сенатского сословия, однако не уничтожили его окончательно ни при Юстиниане, ни даже при Фоке.

Глава о сенате помещена в книге между разделами о социальной структуре деревни и города (точнее, отдельных, взятых для примера городов), хотя, может быть, целесообразнее было бы, показав основные направления развития сельского населения, тут же параллельно проанализировать состояние общественной жизни города.

Городское общество рассматривается с двух точек зрения — определяется социальная структура ранневизантийского города и показывается социально-политическая активность его жителей. В отличие от раздела о деревне, где материал представлялся как бы суммарно, в виде итоговых суждений, наблюдения о социальной жизни города расчленяются в основном по главам, посвященным отдельным городам — Антиохии, Константинополю, Фессалонике, Александрии. Попутно ставятся вопросы о географическом распространении городов в ранневизантийский период, возникновении крупных городов на востоке в IV—VI вв., о месте малых городов в политической жизни государства. Более дробной оказывается и характеристика социальной стратификации города. Здесь не указывается кардинальный принцип выделения и противопоставления различных социальных групп, но последовательно описываются курials, некоторые категории чиновников, военные, клирики, ученые, врачи, адвокаты, архитекторы, торговцы, ремесленники, лица без определенных занятий, рабы. Выделение этих категорий при анализе города естественно — оно лежит на поверхности. Однако такой путь в решении задачи определения принципов социальной динамики не столь эффективен, так как здесь речь идет скорее о профессиональных различиях,

чем общественно-политических. Социальные же противоречия отдельных слоев автором иллюстрируются на примере общественных движений, конфликтов и выступлений противоборствующих групп. Ф. Тиннефельд замечает, что находящиеся в городских домах рабы в этот период не представляли определенной политической силы; за исключением отдельных случаев, не прослеживается и связь между цирковыми партиями Константинополя и социальными организациями.

Особое внимание уделяет Ф. Тиннефельд месту религиозных группировок, еретических движений в общественной жизни Византии. В этом разделе в хронологическом порядке рассматриваются этапы церковной политики императоров, кратко освещаются такие религиозные направления, как гностицизм, манихейство, иудаизм, маркионитство, мессалианство, монофиситство и др. Анализируя традиции язычества, автор подробно останавливается на религиозно-философских предпосылках их сохранения в ранней Византии. В целом акцент здесь перенесен исследователем с определения социальной динамики на описание эпизодов церковно-политической истории Позднеримской империи.

В приложении помещен очерк, касающийся германской проблемы в IV в. Автор подчеркивает, что этнический аспект изучения варварских вторжений не является единственным и определяющим в комплексе *социальных* проблем изучения этих событий.

Таким образом, в целом книга затрагивает несколько узловых вопросов ранне-византийской общественно-политической истории: стратификация по правовому, экономическому, профессиональному, религиозному и этническому принципам, взаимоотношения различных политических, социальных, церковных партий и группировок, вытеснение ведущего положения одних форм собственности другими, борьба в составе господствующих слоев. В стороне остался важный вопрос о терминах и понятиях, в которых сами византийцы представляли себе общественную классификацию государства. «Имманентный» принцип анализа социологических проблем средневековья — в категориях, адекватных изучаемой эпохе — в новейших работах стал предпосылкой итогового, суммарного исследования с позиции научных запросов сегодняшнего дня. Необходимость такого подхода диктуется теми историкокультурными проблемами, о которых сказано самим автором в начале рецензируемой книги. Следует отметить хорошее знакомство Ф. Тиннефельда со статьями и монографиями советских ученых.

М. В. Бибииков

Iconoclasm, ed. by A. Bryer and I. Herrin. Birmingham, 1977, 195 p.

В марте 1975 г. в Бирмингеме состоялся симпозиум, посвященный проблемам иконоборчества. Доклады, прочитанные на симпозиуме, составили сборник статей, изданный под редакцией А. Брайера и Дж. Херрин, и стали, таким образом, достоянием широкого круга византинистов. В сборнике — 18 статей, подготовленных известными специалистами по истории Византии. Статьям предпослан список источников, а также выборочная библиография трудов, знание которых необходимо для изучения периода иконоборчества на современном уровне. В конце книги приводятся хронология иконоборческого периода и отрывки из источников, представленные в английском переводе.

Как известно, научный интерес к периоду иконоклазма имеет многовековую историю, однако, несмотря на кажущуюся изученность предмета, в настоящий момент мы не располагаем ни одним исследованием, которое вывело бы эту тему из замкнутого круга нерешенных проблем. В связи с этим избрание указанного периода темой симпозиума представляется чрезвычайно своевременным.

На симпозиуме иконоборчество рассматривалось с самых различных сторон. Большое внимание было уделено его идейным истокам, политическому содержанию и некоторым аспектам культуры Византии в VII—IX вв.

Прежде чем приступить к характеристике вопросов, которые обсуждались на симпозиуме, нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что в последнее десятилетие зарубежные ученые, как правило, ставят в центр своих исследований политические и идейные проблемы иконоклазма. Эта тенденция прослеживается и в докладах